

Дмитрий Люкшин сейчас доцент кафедры отечественной истории ИМОИиВ КФУ, его любят студенты, а для «перваков» разных направлений именно его пары являются своеобразным «курсом молодого бойца». Мало кто знает, что после школы Дмитрий Иванович отправился работать на завод, а потом – в армию, где и провел два года. После возвращения он поступил на рабфак, и только после этого – на исторический факультет КГУ. Так вышло, что ровно на середину его обучения выпали радикальные изменения в стране, а точнее,

ее развал, провозглашение свобод и исчезновения родной специальности в университетах. Мы попросили Дмитрия Ивановича рассказать об этом нелегком, но интересном времени.

Четыре преподавателя

Несмотря на то, что я благодарен всем преподавателям, я готов выделить четырех из них, потому что именно они повлияли на мой подход к студентам.

Первый человек – это **Махаббат Гумеровна Юнсова** с ее доброжелательностью и снисходительным отношением к каким-то недоработкам и заблуждениям. Она поддержала меня на моем первом экзамене, без нее я бы не обрел уверенность в своих силах.

Второй преподаватель – это **Алексей Львович Литвин**, который, занимаясь с нами уже на старших курсах, всегда напоминал нам о следующем: если вы видите перед собой авторитет, вы вовсе не обязаны этому авторитету слепо следовать. То есть, стимулируя творческий поиск студентов, он за этот поиск не карал. Ситуация была начала 1990-х, тогда это было достаточно популярно, но, хотя и декларировали практически все преподаватели необходимость творческого подхода, наиболее последовательно относился к этому процессу именно Алексей Львович. При этом его требования были достаточно жесткими.

Если у вас есть своя точка зрения, то на протяжении семестра вы должны были ее обосновать, убедить, что вы имеете право на нее.

Третий пример – **Валентин Семенович Королев**, с которым мы столкнулись уже на четвертом курсе. Тогда, слегка «подборзевши» от собственных успехов, мы пытались манкировать некоторыми своими обязанностями. Его форма работы на семинарах и на зачетах выглядела так: если ты хочешь высказать свою точку зрения, эта точка зрения у тебя должна быть. Причем если у Алексея Литвина на первый план выдвигалась идея поиска, то здесь присутствовали четыре критерия, и если ты им не соответствовал, то тебе доброжелательно, но достаточно жестко указывали на твои ошибки. Это стимулировало, слегка заводило и усиливало стремление заниматься.

Ну и, наконец, **Владимир Миннатович Бухараев** – человек, которого я с гордостью могу назвать своим Учителем (надеюсь, что он все еще числит меня в своих учениках). Дисциплины, которые он преподавал, могли называться по-разному, но студенты их называли «бухараеведение», потому что основной особенностью этих курсов был парадоксальный подход и постановка профессиональных вопросов «почему» и «зачем».

Бухараевские курсы оказались очень кстати в непростой обстановке 1990-х. До 1991 года, готовясь на истории КПСС, мы при всех феноменах свободомыслия, перестройки и гласности вынуждены были находиться в широких, но жестких рамках догматики, где партия выступала основной направляющей силой, где сочинения Ленина и Маркса рассматривались как исторический источник, на который можно было ссылаться. В этих уникальных условиях отсутствия четкой канвы, размывания исторического дискурса и происходило формирование наших мозгов. Появление здесь Владимира Миннатовича оказалось как нельзя кстати, потому что его уроки запомнили практически все. Его подход в дальнейшем позволил тем, кто продолжил заниматься историческими исследованиями, более или менее ясно представлять себе вчерашние смыслы, то есть пользоваться

ремеслом историка, где прошлое – не храм, а мастерская.

А время было некомфортное. Если брать период перестройки, постперестройки, то там речь шла даже не о профессиональной реализации, а о выживании: что кушать, что надевать. Многие из моих коллег, которые могли бы стать гордостью отечественной исторической науки, к сожалению, не смогли себя реализовать.

Студенческая сходка 1 марта 1990 года

История партии без партии

Давайте я вам расскажу немножко непедагогическую историю. Я не буду называть имя преподавателя, это была очень авторитетная и профессиональная дама, которой, к сожалению, уже нет с нами. Это был последний семестр пятого курса. Предмет назывался «Методика преподавания истории КПСС». Было по нему две базовые книжки, в лучших традициях постхрущевской логики написанные, то есть, запомнить практически ничего было невозможно. Более того, я знаю, что она меня не любит и считает, что я не достоин высокого звания студента, и уж тем более не достоин никакой повышенной стипендии.

И все это, заметьте, происходит в 1992 году. Уже СССР рухнул, и партия уже совсем не у власти. А мы сдаем этот предмет только потому, что учебный план не успели переделать.

Вообще, 1991 год был шоковым для студентов нашего отделения. Целый выпуск людей, которые только в июле получили диплом историка КПСС, а среди них были ребята очень способные, фактически оказались на улице. У них никаких не было шансов как-то устроиться на работу по специальности. И в 1992-м было не лучше. Нашему выпуску – 1993-го года – уже выдавали дипломы «простых» историков, нам повезло. При этом стоит отметить, что даже сейчас к партии, к тому же Зюганову, значительно более положительное отношение. Мы даже говорим, что коммунизм, возможно, имеет право на существование. А тогда же коммунисты считались врагами. История была перевернута с ног на голову, все что было «инь» стало «ян» и наоборот. Преподавать нужно одно, сдавать другое, а в будущем нас ждало третье. Как сдавать экзамен, если ты четко осознаешь, что суть предмета – ложная? Но это всё лирика, а с практической точки зрения: как сдавать предмет, если ты точно знаешь, что преподаватель не намерен ставить положительную оценку?

Я применил такой подлый прием. В билете было три вопроса: два теоретических и один практический. С теоретическими я

разобрался, а практический звучал как-то вроде «Как преподаватель должен своим примером убеждать студентов, что партия – наш рулевой». Первое условие – вы, несмотря ни на что, должны быть компетентны. То есть, я выполз на первых двух вопросах. А на третий я начал отвечать: «Учитывая наше беспокойное время и мой маленький опыт, я бы хотел посоветоваться с вами, как вы видите эту проблему?» А поскольку время было действительно беспокойное, историки КПСС – забыты, их уже никто ни о чем не спрашивает, а высказаться хотелось, преподаватель начала мне минут 20 рассказывать о наблевшем. Потом посмотрела на меня злобными глазами, потому что поняла, что я сейчас просто повторяю ей то же самое. Но вот что до сих пор вызывает у меня гордость за наших наставников: человек был готов принять поражение. Со словами «ах ты паразит» она поставила мне пять и отпустила. С тех пор я с большим пиететом отношусь к оппонентам, которые в состоянии удержаться в рамках профессиональной этики.

0 сессии

А вообще, мы, конечно, и списывали, и «шпоры» – даже бомбы – делали. Кстати, преподаватели нас в этом плане поощряли, говорили: «Делайте шпаргалки, потому что пока вы пишете их, по крайней мере, механическое запоминание происходит». Да и потом, когда у тебя на руках спасительный листочек с датами, ты успокаиваешься, и даты эти уже не забываешь. Я до пятого курса старательно писал шпаргалки на все экзамены, но доставал достаточно редко. Но считаю, что если студент готовит бомбу, она ему не помогает, потому что надеяться на то, что ты вдруг что-то осмыслишь во время экзамена в ситуации стресса – наивно, обычно ее даже прочитать не получается. Правда, преподаватели шутили: «Если студент знает, откуда списать, то как минимум тройку ему уже поставить можно».

Вступающим на стезю наук под сенью университетской традиции могу сказать: преподаватели – нормальные люди, они тоже когда-то были студентами. Я вот, когда только начинал преподавать, иногда злился на студентов: «Почему они не понимают очевидных вещей!» Но потом периодически одергивал себя, понимая, что я сам эту очевидность разглядел тоже не сразу. Поэтому

главнейшей обязанностью наставника полагаю «Не навреди!», в нашем случае – главное не отбить тягу к знаниям. Ведь учёба, чего скрывать, дело добровольное, из-под палки не получится.

Готовились к экзаменам вместе. Мы группой шли в библиотеку, брали книжку. Кстати, в наше время довольно сложно было достать книгу. Мы занимали два-три стола и шерстили материал, задавая друг другу вопросы. Получалось что-то типа мозгового штурма, или как сейчас модно говорить, воркшопа.

У меня еще такой был способ подготовки: я полностью погружался в материал на несколько дней, а непосредственно за сутки перед зачетом из него выплывал, потому что самое главное – выспаться перед экзаменом. Хорошо, что у меня была возможность не работать в то время, так как повышенной стипендии вполне хватало на жизнь даже семейным студентам.

Мне просто нельзя было получать «четыре», так как мне бы пришлось идти работать, а значит, бросать любимое дело. Многие мои одноклассники не вытягивали в значительных пропорциях и работу, и учебу, и, в конце концов, до профессиональных высот не дотягивали. Здесь необходимо помнить, что учеба – это дело серьезное, ответственное и, по большому счету, затратное. Сейчас, к сожалению, это одна из самых актуальных проблем для современных студентов – я вижу, что даже если вы из всех сил пыжитесь, вы не сможете прожить на стипендию. Если, конечно, это не президентская, не стипендия правительства, но их, как известно, на всех не хватает.

У нас были библиотечная, архивная и музейная практики. Плюс исполкомовская. Она проходила уже в 1990 году, это был мой третий курс. Тогда исполкомы уже вымирали, поэтому практика была формальной. Мы пришли, нам что-то поставили, и сказали: «Все, идите отсюда, без вас тошно!» Сдавали также райкомовскую (в комсомольских структурах) практику, а вот на обкомовскую (партийную) мы уже не попали – не успели. Конечно, была и педагогическая практика. До сих пор помню свой первый семинар. Я, по обыкновению своему, опаздывал, также опоздал и мой

руководитель. И первая команда, которую я дал студентам, заходя в аудиторию, была «Сидеть!». Это чудом сработало, и несмотря на то, что студенты были старшекурсниками, семинар удался.

Конец сессии мы обычно отмечали. На рабфаке у нас была традиция: собирались, готовили макароны по-флотски или плов, а сопровождалось все горячительными напитками, – взрослые же люди-то, «давно за двадцать». На истфаке, конечно, тоже отмечали. Стоит заметить, что даже администрация общежитий довольно спокойно к этому относилась. Ну, в разумных пределах – главное, чтобы вели себя пристойно. Особенно бурно получилось с госэкзаменами, но поскольку отмечали у меня на квартире, разбитая люстра оказалась просто милым дополнением. Но всем понравилось, было весело.

В университет после армии

У нас была военная подготовка – для тех, кто не служил. Девочек учили гражданской обороне. Мы временами выступали там экспонатами: на нас что-то наматывали, привязывали.

К армейцам, конечно же, было особенное отношение. Всегда ценилась в таких людях надежность и мотивация. Если после школы люди иногда попадают в университеты, потому что мама велела, податься некуда или в армию не хочется, то после службы люди шли в вузы целенаправленно. Если человек вместо того, чтобы идти на завод с нормальной зарплатой, приходит на рабфак со стипендией в 40 рублей, то однозначно получение образования не было для него случайным решением.

Часто говорят, что студенчество – это не только учеба, но и развеселая жизнь. На самом деле это не совсем так, хотя веселья и правда хватает. Это способ чего-то достичь, но все зависит от того, понимаешь ли ты, чего хочешь. Когда ты за период армии и рабфака, то есть за три года, пытаешься понять, что тебе нужно, у тебя уже вопроса «зачем» в дальнейшем не

возникало.

Однако к служившим в горячих точках временами было негативное отношение. Например, к «афганцам» иногда предъявлялись претензии: «Зачем убивали людей?», «Мы вас туда не посылали». Но армия учила делить людей на «своих» и «чужих». Позже, правда, категория «чужих» как-то растворяется в жизненной многообразии, но «свои» остаются. Поэтому, когда была возможность поддержать ветеранов, я всегда это делал, потому что главный экзамен – на гражданскую зрелость, ответственность – они уже сдали, прикрывая нас, пока мы тут учимся, познаем истину, ищем себя. И страна перед ними в долгу, так получается.

Алсу ГАРАПОВА

Фото Никиты Тохтасинова и из архива автора